

Катунина Е.В., Катунин Ю.А.

ПРИЧИНЫ ЛИКВИДАЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН КАРАИМОВ В 40-60-е гг. XX в.

История многих народов, проживающих сегодня в Крыму, полна сложных, противоречивых и драматических событий. В советские годы был разрушен уникальный пласт толерантной евроазиатской культуры, который формировался на полуострове на протяжении многих столетий представителями различных этнических групп и народностей.

Особую роль в формировании крымской ментальности сыграли караимы. Истории этого народа посвящены многочисленные работы. В трудах Б. Ельашевича, В. Глаголева, С. Шапшала, В. Смирнова, З. Фирковича, М. Сарача, А. Фуки, Ю. Полканова, А. Полканова, В. Алексеева, Н. Баскакова, К. Мусаева, О. Прик, В. Гордиевского, Т. Ковальского, А. Зайончковского, Г. Сигаевой, В. Кропотова и др. отражены разные аспекты жизнедеятельности караев [1]. Целью данной статьи является освещение деятельности религиозных общин караимов, действовавших на полуострове со времени их возрождения в годы второй мировой войны и до момента ликвидации в период 40–60-х годов XX века.

В феврале 1942 года, в период немецкой оккупации, в Симферополе была восстановлена деятельность религиозной общины караимов, ликвидированной в 20-е годы XX века. Община располагалась по адресу ул. Караимская, д. 4. Религиозное общество караимов возродилось благодаря усилиям Исаака Иосифовича Эгиза и Якова Борисовича Шамаша, являвшихся уроженцами города Евпатории. После регистрации общины в городской управе Я.Б. Шамаш был избран газзаном, а И.И. Эгиз – старостой общины. В период оккупации основная часть верующих караимов занималась торговой деятельностью.

После освобождения Крыма симферопольская община караимов одной из первых подала документы на перерегистрацию в органах власти. К началу мая 1945 года в ее составе было 83 человека [2]. Весной 1945 лидеры симферопольской общины Я.Б. Шамаш и И.И. Эгиз были арестованы органами НКГБ. Им было предъявлено обвинение – «участие в контрреволюционной деятельности». Над общиной нависла угроза ликвидации. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Крымской области И. Македонов поставил руководящий состав общины в известность о том, что если в течение 3-х месяцев не будет решен вопрос с избранием нового газзана и руководителя религиозной группы, то она будет снята с государственной регистрации. Арест лидеров привел к оттоку верующих из состава общины, – к началу лета 1945 года в ее составе насчитывалось всего лишь 32 человека. Однако когда стало известно, что репрессии не будут распространяться на других членов организации, то ее состав не только стабилизировался, но даже и численно возрос. К середине лета членами симферопольской общины караимов являлись 103 человека. Верующим караимам удалось избрать новый руководящий состав организации. Газзаном был избран С.М. Кумыш, а старостой – Ю.Е. Исакович [3].

Газзан общины – Соломон Маркович Кумыш родился в 1878 году в Евпатории. Его отец был известным сыроваром.

В 1906 году С. Кумыш окончил караимское училище и был направлен на работу преподавателем караимского языка в одну из школ г. Мелитополя. В 1913 году он был переведен на должность газзана и преподавателя караимского языка в г. Кременчуг. С 1913 по 1926 год С. Кумыш являлся газзаном и учителем в г. Бердянск. С 1926 по 1929 годы Соломон был служащим кенассы г. Мелитополя. Службу в мелитопольской кенассе он продолжил и после ее возрождения в 1943 году.

В 1942 и 1943 году в период оккупации Мелитополя С. Кумыш дважды подвергался аресту, вначале жандармерией, а затем СД. В течение нескольких недель он находился в тюрьме. В 1945 году, после ареста лидеров симферопольской общины караимов, С.М. Кумыш переехал на постоянное место жительства в Крым и был избран газзаном этой общины [4].

Членами совета симферопольской общины караимов были избраны: И.И. Кульджи, Б.С. Чуюк и К.Б. Оксюз. В состав ревизионной комиссии входили М.Т. Эринчек и Б.А. Леви.

Молитвенное здание караимов располагалось в непригодном помещении. Молитвенная комната была небольшой, она не имела отдельного входа и находилась среди жилых помещений одного из домовладений. Рядом с вывеской «Молитвенный дом караимской общины» располагалась вывеска зубного врача, занимавшегося частной практикой. Нахождение общины в жилом помещении вызывало недовольство жильцов, которые постоянно засыпали жалобами органы власти. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов был вынужден предупредить руководство общины о том, что они должны были срочно решить вопрос о новом помещении. Им был предоставлен срок – 2 месяца. 1 июня 1946 года истек срок, предоставленный уполномоченным. Руководство симферопольской общины вело себя пассивно, не занималось поиском нового здания для проведения службы. Это привело к тому, что уполномоченный стал настаивать на снятии общины караимов с регистрации. Однако по рекомендации московского руководства Совета по делам религиозных культов уполномоченный продлил для общины срок поиска помещения до 1 октября 1946 года.

Осенью 1946 года Симферопольский горисполком предоставил верующим помещение, однако караимы отказались в него переселяться из-за небольших размеров этого здания.

16 октября 1946 года уполномоченный И. Македонов вызвал к себе руководителей общины и в присутствии представителя жилищного управления поставил вопрос о ликвидации общины. В ходе переговоров срок поиска нового помещения был продлен до 25 октября 1946 года [5].

В октябре 1946 года караимской общине было предоставлено помещение площадью 56 кв. м., расположенное на углу улиц Фонтанной и Турецкой, принадлежащее горжилуправлению. Договор аренды был заключен сроком на 1 год. Арендная плата составляла 41 руб. 50 коп. в месяц [6].

Проблемы в деятельности общины привели к резкому снижению посещаемости кенассы верующими. По списку в 1947 году в Симферопольской общине насчитывалось 105 человек, однако службу посещали

от 5 до 20 человек. Так в дни «Пасхи» 4 апреля 1947 года на собрании присутствовало всего 5 человек. 29 сентября в день праздника «кучки» присутствовало 24 человека.

В 1948 году активность верующих симферопольской общины резко снизилась. В списке, поданном уполномоченному, числился 81 человек. Резко упало поступление средств на содержание кенассы и оплату труда газзана. В списках общины караимов насчитывалось 16 мужчин и 65 женщин. В общине отсутствовала молодежь, все верующие были старше 25 лет. В общине были сформированы: «двадцатка» учредителей, совет общины и ревизионная комиссия. В составе «двадцатки» было 5 мужчин и 15 женщин. По возрасту все были значительно старше 25 лет. Среди учредителей общины 5 человек являлись рабочими, 1 человек – служащим, 12 – домохозяйками и 2 – инвалиды. 23 человека в общине имели «низшее» образование [7].

Уполномоченный, проведя проверку списочного состава общины, выявил, что в списках находится очень много «мертвых» душ. Когда весной 1949 года истек очередной срок аренды помещения, он порекомендовал Симферопольскому горисполкому не продлевать срок аренды помещения с общиной караимов. Из-за этого деятельность общины была прекращена, но с регистрации она не была снята. Уполномоченный дал верующим 3 месяца для решения вопроса по поиску нового помещения. Однако община так и не смогла решить эту проблему. **29 июня 1949** года верующими было принято решение о самоликвидации общины и реализации ее имущества, которое было передано общине караимов г. Евпатории [8]. Так прекратила свое существование одна из двух общин караимов Крыма.

Община караимов г. Евпатории была открыта 10 сентября 1942 года, по ул. Караимской, д.53. Газзаном евпаторийской общины был избран Соломон Юфудович Джегит.

Здание евпаторийской кенассы было построено в 1745 году. В 1924 году кенасса была закрыта и не использовалась до 1939 года. С 1939 года и до начала войны в ней располагались курсы медсестер.

В период оккупации Крыма большое и малое здание кенассы находилось в ведении городской управы, которая приняла решение об их передаче верующим. Служба была организована в малой кенассе. После освобождения Крыма помещение большой кенассы, с согласия общины, было передано под детский сад. Это гуманное решение верующих в дальнейшем станет роковым для самой общины. Здание кенассы сохранилось в идеальном состоянии. В одной из стен кенассы находилось ядро, сохранившееся с момента обстрела Евпатории в период Крымской войны. 5 февраля 1885 года оно было объявлено исторической ценностью и охранялось общиной как музейная ценность [9].

В 1945 году в состав общины входило 22 человека. Среди верующих были работники торговли, домовладельцы, маклеры и т.д. В период оккупации практически все члены общины занимались торговлей.

Особую роль в жизни общины играл ее газзан – Соломон Юфудович Джегит, являвшийся уроженцем г. Евпатории. С.Ю. Джегит родился в 1874 году в семье служащего. В 1880 году он окончил евпаторийское уездное училище. С. Джегит в совершенстве владел русским, немецким, китайским, турецким, татарским и караимским языками. После окончания училища он устроился на службу в армию. Длительное время он являлся начальником отдела снабжения русской армии в Харбине. В советские годы С. Джегит работал в торговых организациях в различных городах СССР. В период немецкой оккупации он находился в Евпатории и нигде не работал, находясь на попечении у родственников и членов общины [10].

После освобождения Крыма в состав совета евпаторийской общины караимов входили А.С. Мурза, Э.С. Иртлаг и В.М. Юрга. Членами ревкомиссии общины являлись Э.М. Кочень и А.И. Оксюз и А.Ф. Кара.

В 1946 году вместо С. Джегита старшим газзаном евпаторийской общины был избран Борис Саадьевич Ельяшевич, уроженец г. Поневежис, Литовской ССР. Б.С. Ельяшевич родился в 1881 году в семье кустика. В Евпаторию он прибыл 15 апреля 1946 по приглашению верующих караимов. После регистрации общины, в первые послевоенные месяцы стал вопрос о новом газзане, так как С. Джегит, имея преклонный возраст, постоянно болел. По его просьбе он был освобожден от должности газзана и вместо него был избран Б.С. Ельяшевич. С. Джегит стал его помощником [12].

В первые же месяцы своего пребывания в Крыму новый газзан попытался активизировать духовную жизнь караимов полуострова. Он стал посещать места их проживания, агитируя создавать новые религиозные общины. Летом 1946 года Б. Ельяшевич совместно с К. Кумыш выехали в г. Бахчисарай и провели здесь несколько встреч с жителями города. Однако эта попытка создания религиозной общины не имела успеха, так как уполномоченный И. Македонов предупредил Ельяшевича о «незаконности его действий» [12].

В 1947 году Б.С. Ельяшевич попытался создать в Крыму духовное управление караимов, объявив себя его главой. Это позволило бы ему свободно перемещаться по территории полуострова для решения вопросов формирования религиозной структуры караимов. Однако уполномоченный И. Македонов пресек все эти действия, заявив, что необходимости в создании управления нет, а газзан обязан постоянно находиться в Евпатории [13].

Сравнивая деятельность симферопольской и евпаторийской общин, уполномоченный И. Македонов отмечал активную роль Ельяшевича в формировании религиозности караимов. В своих отчетах в Москву уполномоченный характеризовал Б.С. Ельяшевича как «националиста». Это было связано с тем, что газзан стал запрещать межэтнические браки, заявляя, что это приводит к вымиранию народа [14].

Б. Ельяшевич установил активные связи с караимами из других городов – Ейска, Вильнюса и т.д. Наиболее тесные контакты у него были с директором историко-этнографического музея г. Вильнюса, профессором С.М. Шапшалом и научным сотрудником музея Л. Акуловой. Когда было принято решение о переведении музея караимов в структуру академии наук Литовской ССР, Шапшал внес по этому поводу протест. Он был поддержан и караимской общиной Евпатории. Караимы Крыма направили в адрес президента академии наук Литвы телеграмму следующего содержания: «От имени евпаторийской караимской

общины выражаем протест по поводу ликвидации самостоятельного существования нашего национального музея, основанного трудами и средствами директора Шапшала. Просим оставить музей на прежних началах» [15].

Газзан евпаторийской общины пользовался авторитетом не только среди верующих общины, но и среди всех караимов полуострова. В то время, как в симферопольской общине духовная жизнь постепенно затухала, в евпаторийской общине происходил ее подъем. Состав религиозного общества постепенно увеличивался. В 1948 году в списках общины было зарегистрировано 40 человек, в том числе 11 мужчин и 29 женщин. В составе «двадцатки» учредителями состояло 5 мужчин и 15 женщин, среди них: 7 человек рабочих, 1 – служащий, 8 – домохозяек, 2 – иждивенца и 2 человека – инвалиды. 3 человека имели среднее образование, 16 – низшее, 1 был неграмотным [16].

В 1950 году количественный состав верующих караимов г. Евпатории не изменился. В состав исполнительного органа общины в это время входили А.С. Мурза (председатель), Б.С. Оксюз, А.Ф. Кара, А.И. Оксюз и Э.М. Коген.

Бесспорным лидером общины оставался газзан Ельяшевич. В его руках была сконцентрирована вся полнота власти, в том числе и финансово-хозяйственная. По мнению уполномоченного И. Македонова, для контроля над финансовой деятельностью Ельяшевич настоял на том, чтобы председателем общины и ее старостой была избрана прикованная к постели, 76 летняя А.С. Мурза. В отчете в Москву он писал: «газзаном Ельяшевичем это сделано с умысленной целью, чтобы самому беспрепятственно распоряжаться финансово-хозяйственной деятельностью общины. В данное время в его ведении находятся ключи от молитвенного дома. Совет общины и ревкомиссия избраны как бы для проформы, все это заменяется одним лицом» [17].

Караимская община содержала штат из 5 человек. На оплату труда ежемесячно выделялась 1 тысяча рублей, в том числе: газзану выплачивали – 400 руб.; завхозу – 200 руб.; 2 уборщицам – 280 руб.; сторожу – 100 руб. Штат содержался за счет треб (поминовение умерших и похорон), а также за счет пожертвований.

В обычные дни на службу в кенассу приходили 5–10 человек, на праздники – до 50. Так 13 сентября 1950 года на праздник «Рош-Гашана» (Новый год) в кенассе присутствовало 50 человек. 20 сентября на «Иом-Кипур» («Судный день») – 50 человек.

Караимы отмечали те же праздники, что и евреи. Однако у караимов праздники отмечались на один-два дня позже. Это было связано с тем, что евреи придерживались дат астрономического календаря, – праздники отмечали в первый день лунного месяца, а у караимов праздник наступал тогда, когда луна была видна простым глазом. Так в 1950 году евреи отмечали Новый год 11 сентября, а караимы – 13 сентября [18].

В 1953 году евпаторийская община насчитывала 100 человек. В 1955 году численность общины возросла до 150 человек. На службу в Евпаторию стали приезжать верующие караимы из Симферополя, Бахчисарайского и Сакского районов [19].

В 1954 году во время одного из собраний газзан Ельяшевич сообщил верующим, что он приступил к написанию книги об истории караимов. По его мнению, все, что находилось в Евпатории – театр, приют, санатории и т.д., было построено караимами.

В 1957 году собрания в пятницу и субботу посещали 10–25 человек, в праздничные дни – до 150 человек. В дни «Пасхи» – более 300 человек [20].

В сентябре 1957 года, без согласования с уполномоченным, в евпаторийской кенассе службу провел газзан Литовы Семен Адольфович Фиркович. Находясь в Евпатории, он посещал квартиры верующих и проводил на них собрания. С. А. Фиркович исполнял в эти годы почетную обязанность духовного главы караимов всего мира [21].

В 1958 году, в связи с предстоящей переписью населения, караимы обратились в Верховный Совет СССР с просьбой о регистрации их в качестве самостоятельного народа.

В этом же году, по инициативе Ельяшевича, в связи с его преклонным возрастом, было принято решение об избрании нового газзана евпаторийской общины. По мнению верующих, им должен был стать С. А. Фиркович. В 1958 году Ельяшевич решил оставить должность газзана еще и потому, что он решил завершить работу по истории караимов.

23 мая 1958 года, общаясь с уполномоченным, он заявил, что у него умерла жена, а сам он болен и работать так, как ранее он уже не в состоянии. В разговоре он заявил, что «караимов осталось очень мало, и те постепенно умирают или отходят от нашей религии. Но, к большому сожалению, до сих пор нет писаной истории караимского народа. Для выполнения роли газзана я стар, болезнь не позволяет служить так как положено, поэтому я хочу уйти с этой работы... Мне очень хочется закончить научную работу по истории караимского народа, однако, работая газзаном я этого не сумею сделать» [22].

Во время этой встречи Ельяшевич заинтересовался у уполномоченного о том, где можно издать его труд. Дальнейшие события, связанные с коллективной работой над историей караев стали поводом для ликвидации религиозной общины караимов г. Евпатории. Инициатором закрытия общины стал уполномоченный М.М. Рудаков, сменивший на этом посту И. Македонова. Во второй половине 1958 года М. Рудаков резко изменил свое отношение к деятельности евпаторийской общины. Во всех отчетах, направляемых уполномоченным в вышестоящие инстанции, он всегда положительно отзывался о деятельности евпаторийской общины караимов. Все его информационные отчеты, касающиеся этой общины, содержали одни и те же фразы, повторяющиеся из года в год. Уполномоченный отмечал, что «община малочисленная и состоит из стариков и старушек». Информация по общине всегда заканчивалась одной фразой: «Молитвенное помещение находится в специальном здании, которое национализировано и передано в бессрочное и бесплатное пользование религиозному обществу. Помещение содержится в чистоте. Каких-либо наруше-

ний советского законодательства о культах со стороны членов совета не обнаружено» [23]. Данная информация датируется 21 мая 1958 года.

Однако осенью 1958 года отношение уполномоченного к общине резко меняется. В декабре 1958 года уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ УССР П. Вильховой в информации на имя председателя Совета по делам религиозных культов при СМ СССР А.А. Пузина сообщил, что «уполномоченный Совета при Крымском облисполкоме т. Рудаков в своей информации от 21 ноября 1958 года №43-с ставит вопрос о закрытии караимской кенасы в г. Евпатории, ввиду того, что она используется группой националистов под вывеской религиозных убеждений» [24].

Почему столь радикально изменилось отношение уполномоченного к общине и что означает обвинение в национализме?

В информационном отчете о работе уполномоченного за 1 полугодие 1958 года на стр. 14 общине каримов г. Евпатории посвящено всего лишь две строки. Приведем их дословно: «В Евпатории действует зарегистрированное общество караимов. О состоянии и деятельности этого общества Вам сообщалось 21 мая 1958 года за № 20-с». Во всех информационных отчетах уполномоченного нет даже намек на какие-либо мелкие нарушения законов со стороны общины, не говоря о таком жестком политическом обвинении, которым являлся в эти годы национализм. Поводом для резкого изменения мнения уполномоченного послужили следующие события.

В июле 1958 года в Евпаторию приехала группа ученых, занимающихся изучением истории и культуры караимов. В их составе были представители института языкознания АН СССР во главе с Н.А. Баскаковым и представитель Польской академии наук А.А. Зайончковский. Для оказания помощи ученым Евпаторийский горком партии прикрепил к ним директора местного музея Ермака. Основная цель приезда ученых была связана с подготовкой русско-польско-караимского словаря. Ученых разместили в гостинице. Газзан общины Ельяшевич был заранее извещен о приезде ученых. Совет общины решил организовать им торжественную встречу. Для организации торжественного банкета необходимо было собрать определенную сумму добровольных пожертвований. Однако Евпаторийский горисполком запретил сбор денег. Банкет не состоялся. Вместо этого было решено провести во дворе кенасы митинг-собрание, на который были приглашены Баскаков и Зайончковский. По поручению газзана активисты общины обошли верующих и пригласили их на эту встречу.

17 июля Баскаков и Зайончковский посетили кенасу. На встрече присутствовало всего лишь 20 человек. Это не устраивало ни организаторов, ни ученых. Встречу перенесли на 20 июля. В этот день во дворе общины собралось более 40 человек. Со вступительной речью выступил газзан Ельяшевич. Он поблагодарил ученых за посещение общины, а затем стал излагать свое видение истории караимов. В выступлении он несколько преувеличил роль караимов в жизни человечества, отметив, что, несмотря на свою малочисленность, караимы стали первыми создателями культуры и науки, что в настоящий момент это один из умнейших народов планеты. Ельяшевич призвал караимов Крыма передать ученым старинные книги и вещи, которые должны быть свидетельством того, что «караимы были первоначальными организаторами и носителями культуры и науки» [25].

Идеи газзана стали поддерживать другие верующие, которые в порыве эмоций, зараженные выступлением Ельяшевича, в присутствии ученых стали допускать высказывания о величии и богоизбранности своего народа. Присутствовавший на собрании директор музея Ермак стал оспаривать эти утверждения, что привело к срыву выступлений верующих. Его поведение вызвало недовольство не только у актива общины, но и у польского ученого Зайончковского, который заявил, что он рад этой встрече, но «по душам поговорить не удалось».

В конце июля газзан общины организовал для ученых встречу с караимской интеллигенцией, которая состоялась на квартире у доктора Джегита. На встрече присутствовало более 15 человек. Для гостей был накрыт скромный стол. Это мероприятие в официальных отчетах в дальнейшем именовалось «банкетом». В последующие дни ученые посещали квартиры караимов и записывали разнообразную информацию о жизни этого народа.

О посещении Евпатории учеными уполномоченный М. Рудаков узнал совершенно случайно. Его об этом поставили в известность «соседи» (КГБ). Это вызвало у него недовольство не только в отношении руководства общины, но и в отношении партийного и советского руководства Евпатории.

После отъезда ученых из Крыма это событие приобрело просто фантастически извращенную теорию о национализме караимов. Особой популярностью и уважением у караимов Крыма пользовался С.М. Шапшал, который не только координировал жизнедеятельность религиозных общин, но и активно занимался историей своего народа. Шапшал много раз приезжал на полуостров. Уполномоченный, совместно с «соседями» разработал концепцию о том, что приезд ученых Баскакова и Зайончковского – это спланированная акция по разжиганию караимского национализма, разработанная Шапшалом. По мнению авторов этой концепции, Шапшалу удалось втянуть в ее реализацию не только отдельных ученых, но даже целые институты, в том числе институт языкознания АН СССР, институт истории и права Литовской ССР и Академию наук Польской республики [26].

Караимы Крыма считали, что они остались живы в период немецкой оккупации благодаря деятельности этого талантливого человека. По заявлениям братьев Якова и Бориса Ельяшевича Шапшал сыграл главную роль в спасении караимов от физического уничтожения, которому в Крыму подверглись евреи и крымчаки. Братья Ельяшевичи утверждали, что в первые же месяцы после начала оккупации Крыма, в Литву к Шапшалу несколько раз выезжали делегации, которые просили его убедить немцев в том, что караимы – это не евреи, а представители тюркских народов. Шапшалу это удалось доказать. 8 января 1942 года в газете «Голос Крыма», издававшейся в Симферополе оккупационным режимом, была опубликована специальная статья, посвященная истории караимов. В ней утверждалось, что караимы принадлежат к ма-

лым народам южно-европейской зоны. Их переселение в Крым произошло еще до прихода сюда монголов. По мнению автора статьи, караимы были потомками тюрко-татарского кочевого племени – хазар. Анализируя религию караимов, он отмечает: «Их религия семитская, но они отвергают Талмуд, das Schachten и многие другие особенности еврейской веры». В статье подчеркивалось, что «русское законодательство уже более ста лет рассматривает караимов, как самостоятельный народ, и в период царизма караимы не подвергались тем ограничениям, что евреи. Караимы, которые были преимущественно садоводами, сельскими хозяевами, помещиками и т.д. могли быть также офицерами и т.д.» [27].

Данная статья была очень важна для сотен караимов, проживающих в Крыму, в ней высказывалась мысль о различных этнических и расовых различиях с евреями, которые в это время десятками тысяч уничтожались на полуострове зондеркомандами СС.

Для дискредитации имени Шапшала среди караимов стали использовать брошюру «Правда о Шапшале – персидском гахане караимском», которая была выпущена в 1917 году. Автор книги – ЗОИЛ. В этой брошюре автор ссылается на фельетон о Шапшале, который был напечатан в газете «Утро России» 4 февраля 1917 года журналистом Тамариновым. В брошюре речь идет о том, что, находясь в Персии, Шапшал был сподвижником шаха Магомета и являлся его активным помощником в жестоком, кровавом подавлении национально-освободительного движения персидского народа.

Некоторые жители Евпатории были заражены сбором материала по истории караимов. Сотрудником института языкознания считал себя житель Евпатории А. Кобецкий. Он постоянно посещал квартиры верующих с целью сбора материала о культуре караимов. Кобецкий был оскорблен тем, что его не пригласили на прощальный «банкет».

Не менее оскорбленным себя считал и уполномоченный М. Рудаков, которого члены общины не поставили в известность не только в связи с приездом ученых, но и в связи с тем, что, получив одобрение у Шапшала, члены евпаторийской религиозной общины провели собрание, на котором Борис Ельяшевич был освобожден от должности газзана, а вместо него новым газзаном был избран его брат Яков.

В ноябре 1958 года уполномоченный отказался регистрировать Якова Ельяшевича в качестве газзана, снял с регистрации весь исполнительный орган общины и стал настаивать на закрытии кенассы. Уполномоченный, совместно с «соседями» стали активно разрабатывать миф о «караимском национализме». В процесс давления в отношении общины включились партийные и советские органы. Особая роль в этом отводилась властям г. Евпатории. Ими была разработана методика давления не только в отношении самой общины, но и в отношении людей, которые оказывали помощь верующим. Их окрестили «покровителями караимской религии». Этот термин использовался в официальной переписке. Для того чтобы не исказить смысл одного из первых документов, в котором обосновывались требования по закрытию общины, приведем его в полном объеме. 19 января 1959 года председателем Евпаторийского горисполкома В. Горельшевым и секретарем исполкома Т. Саллона на имя М.М. Рудакова было направлено письмо следующего содержания: «В связи с тем, что в последние годы число верующих караимов в г. Евпатории остается крайне незначительным, а группа верующих находится на грани распада, с целью сохранения и укрепления этой группы в городе стали появляться различные «покровители КАРАИМСКОЙ РЕЛИГИИ» (так выделено в тексте –авт.). По имеющимся данным в 1957 году из г. Трокай Литовской ССР в Крым прибыл исполняющий обязанности главы караимского духовенства ФИРКОВИЧ, который кроме проведения моления караимов в кенассе проводил собрания, на которых выступал с докладами под видом изучения истории караимов.

Летом 1958 года приезжала группа ученых, один из них – ЗАЙОНЧКОВСКИЙ из Польши. Советом «двадцатки» ему была оказана материальная помощь в сумме 100 рублей. В кенассе эта группа провела собрание под видом сбора материалов по истории караимов.

После этого верующие караимы устроили банкет-проводы этой группы, куда была приглашена часть караимской интеллигенции города. Кроме того, в разное время появлялся еще ряд сомнительных лиц под видом «покровителей» и защитников вероучения караимов. Имелись случаи использования машинисток для печатания и распространения религиозных сочинений. Занимаются поборам среди верующих для содержания газзана, председателя совета «двадцатки», завхоза, кассира, уборщицы и сторожа, также на покрытие других расходов.

В 1956 году было собрано – 29067 рублей.

В 1957 году – 31665 рублей.

В 1958 году – 29971 рубль.

Всего за три года собрано – 90703 рубля.

Поступления были не только от караимов, проживающих в Евпатории, но и из других городов: Москвы, Одессы, Киева, Мелитополя, Феодосии, Бахчисарая и др. Сумма сбора среди евпаторийских караимов незначительна. Остаток средств на 1 января 1959 года – 13157 рублей находится на руках у кассира гр. Павловой.

Все это дает основания сделать вывод, что различные «ПОКРОВИТЕЛИ» прилагают все силы к тому, чтобы превратить Евпаторию в центр караимского духовенства, по существу в центр *националистической* (выделено авторами) работы в Крыму.

Евпаторийский горисполком в целях предотвращения создания центра караимского духовенства в Крыму просит закрыть кенассу в г. Евпатории» [28].

19 января 1959 года в процесс борьбы с «караимским национализмом» включился Евпаторийский

горфинотдел. В этот день за подписью начальника горфинотдела П. Кулиш в отдел налогов и сборов облфинотдела было направлено письмо, в котором приводились данные по сборам в общине и сумме по оплате труда руководства общины. В письме отмечалось, что «кроме газзана, которому установлен оклад 600 рублей в месяц, совет верующих ввел такие должности как завхоз – 400 рублей в месяц, кассир – 200 рублей, 2 уборщицы – 150 и 215 рублей. Кабар – лицо, моющее покойников и председатель совета – по 200 рублей. Сторож на кладбище – 100 рублей. Всего 1965 рублей в месяц. Средства для содержания указанных лиц поступали от верующих в виде так называемых пожертвований. Каждому верующему выдана квитанция» [29].

Далее отмечалось, что помимо верующих караимов, проживающих в городе, деньги поступали и из других городов. В письме указывалось, что кроме расходов на зарплату производятся расходы на хозяйственные нужды, на содержание кенассы и другие расходы, которые отражены в кассовой книге. В письме вносилось предложение ввести дополнительное налогообложение всей кенассы, а не только ее сотрудников.

На основании этих документов 23 января 1959 года уполномоченный подготовил заключение, в котором он обосновал решение о целесообразности закрытия евпаторийской кенассы. Его претензии в отношении евпаторийской общины караимов сводились к следующему:

- община малочисленная, однако, содержит большой штат сотрудников;
- в нарушение закона и указаний уполномоченного проводит незаконный сбор денег с верующих;
- в нарушение закона из кассы общины оказывают материальную помощь посторонним людям, в частности – польскому ученому Зайончковскому;
- под вывеской религиозных убеждений занимаются пропагандой национализма;
- считают себя основателями мировой науки и культуры;
- занимаются пропагандой религии, для чего используют машинисток, тиражирующих религиозную литературу и т.д.

В заключении сделан следующий вывод: «имеются законные основания, для того чтобы закрыть данное общество и передать используемое ими здание в распоряжение Евпаторийского горисполкома, а остаток незаконно собранных денежных средств в сумме 13 157 рублей передать в пользу государства» [30].

29 января 1959 года исполком Крымского областного совета принял решение № 81 «О закрытии зарегистрированного религиозного общества караимов г. Евпатории», в котором отмечалось: «Рассмотрев заключение уполномоченного Совета по делам религиозных культов при облисполкоме о деятельности зарегистрированного религиозного общества караимов г. Евпатории, облисполком установил, что, несмотря на неоднократные предупреждения уполномоченного совета, общество систематически нарушает советские законы о культурах. Деятельность этого общества и его служителей вышла за пределы культовых целей, верующие оказывают незаконную материальную помощь из кассы общества, распространяют религиозную литературу, ведут пропаганду национализма.

Исполком решил: Просить Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР закрыть религиозное общество караимов в г. Евпатории, а находящееся в ведении общества здание возвратить горисполкому для использования под культурно-просветительское учреждение» [31].

Однако, совершенно неожиданно отреагировал на это решение облисполкома уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров УССР П. Вильховой. 19 февраля 1959 года он направил в Москву на имя председателя Совета по делам религиозных культов при СМ СССР А.А. Пузина «Заключение по вопросу о закрытии молитвенного дома религиозного общества караимов в г. Евпатории», в котором был сделан вывод: «не нахожу основания вносить предложение Совету по делам религиозных культов о снятии с регистрации общества караимов в г. Евпатории». П. Вильховой отказал крымским органам власти в закрытии караимской общины. Все выводы, которые М. Рудаков представил в облисполком, он посчитал необоснованными. Проанализировав все информационные отчеты, которые уполномоченный при Крымском облисполкоме направлял в вышестоящие инстанции, П. Вильховой совершенно справедливо отметил, что ни в одном из них в течение последних лет не было даже намека на какие-либо нарушения закона, о которых М. Рудаков писал в заключении, представленном в облисполком.

Касаясь «националистической» деятельности общины П. Вильховой отметил, что делать такие выводы только лишь на основании факта посещения общины группой ученых было бы неправильно, так как верующие всего лишь пытались поднять свой авторитет в лице высокопоставленных гостей.

Рассматривая вопросы финансовых нарушений, уполномоченный при совете Министров УССР писал: «сбор денег вне стен молитвенного дома – это грубое нарушение закона. Однако поскольку об этом ничего не сообщалось в течение 1955, 1956, 1957 и в первой половине 1958 года, то нельзя говорить о том, что религиозное общество «систематически нарушало советское законодательство о религиозных культурах». Если это нарушение обнаружено впервые в конце 1958 года, то надо строго предупредить руководство общества, снять с регистрации служителей культа, потребовать от «двадцатки» переизбрать исполнительный орган, но для того, чтобы ставить вопрос о закрытии молитвенного дома указанных фактов еще недостаточно. Кроме того, судя по справкам уполномоченного, ... верующие караимы «весьма богомольны» и что посещение молитвенного дома доходит до 150–300 человек» [32]. На основании этого П. Вильховой сделал вывод о нецелесообразности снятия с регистрации религиозного общества караимов г. Евпатории.

Данное заключение уполномоченного при СМ УССР было полной неожиданностью, как для руководства Крыма, так и для руководства Совета по делам религиозных культов при СМ СССР. Стало ли это заключение истинной причиной отставки П. Вильхового с должности уполномоченного по Украине ска-

зять сложно, однако вскоре после этого он освобожден и переведен на другой участок работы.

В 1959 году караимы Евпатории оказалась в сложном положении: община не была снята с регистрации, но она осталась без газзана и исполнительного органа. Более того, крымские органы власти стали посягать на здание кенассы. Молитвенные собрания проходили ежедневно, однако при отсутствии газзана их посещали от 5 до 15 человек. Избранный общиной, но незарегистрированный общиной газзан Яков Ельяшевич занял соглашательскую позицию в отношении руководства города. Во время одной из встреч с уполномоченным М. Рудаковым, которая проходила в кабинете секретаря Евпаторийского горисполкома Салло, он предложил, чтобы его на 2 месяца зарегистрировали в должности газзана, а он поможет за это время закрыть кенассу. Он заявил: «У меня имеются приятели из числа «двадцатки», которые хотят выйти из ее состава, а здание кенассы можно передать под детский сад. В конце мая я пойду на пенсию» [33].

После ухода Я. Ельяшевича уполномоченный и секретарь исполкома пришли к выводу, что данные предложения не являются искренними и разработали более интересный план по закрытию молитвенного дома караимов. Для этого стали использовать руководство детского сада, который в первые послевоенные месяцы верующие согласились разместить в большом здании кенассы. По указанию местных органов власти заведующая детским садиком и родители детей, посещавших это детское дошкольное заведение, стали проводить активную работу по выселению верующих с территории кенассы.

26 марта 1959 года в детском саду состоялось расширенное заседание родительского комитета. С докладом «О коммунистическом воспитании подрастающего поколения» выступила заведующая садом Киселева. Как в докладе, так и в выступлениях присутствующих родителей приводились примеры негативного влияния верующих караимов на подрастающее поколение. Присутствовавшие на собрании обратились в горисполком с просьбой о передаче здания кенассы в распоряжение детского сада № 4 [34].

8 мая 1959 года Совет по делам религиозных культов при СМ СССР принял решение о закрытии молитвенного дома общества караимов г. Евпатории. В соответствии с этим решением 30 мая 1959 года исполком Евпаторийского горсовета принял окончательное постановление о закрытии кенассы и передачи зданий в ведение детского сада. После заседания горисполкома состоялось собрание «двадцатки» общины, на котором присутствовали секретарь горисполкома Т.Б. Салло, завгоркоммунхоза, руководители горно и детского сада. Члены «двадцатки» категорически отказались признавать решение о закрытии молитвенного дома. Выступающие утверждали, что здание кенассы строили верующие и, учитывая сложную ситуацию, в 1944 году они пустили на свою территорию детский сад. Воспитанию детей они не мешают. На собрании было заявлено, что в Москве, наоборот рассматривается вопрос о выселении детского сада и создания на территории кенассы музея караимизма. Верующие поставили в известность руководство города, что они будут обращаться с жалобой к Н.С. Хрущеву, в Академию наук и т.д. Поскольку общество не было снято с регистрации, то присутствовавший на собрании уполномоченный М. Рудаков рекомендовал верующим подыскать себе новое здание [35].

Однако после собрания верующие вели себя очень пассивно, от них не поступило ни одного обращения ни к уполномоченному, ни в вышестоящие инстанции.

В сентябре 1959 года в информации на имя секретаря Крымского обкома партии И.С. Чирвы уполномоченный писал о том, что в г. Евпатории у общины караимов нет здания, отсутствует газзан и исполнительный орган, однако, партийные органы города не проводят работу по «разложению» этой общины [36].

После снятия с регистрации газзана и передачи здания кенассы под детский сад, снизились пожертвования в адрес общины, а с июля 1959 года они прекратили поступать вовсе. Летом 1959 года из состава учредителей общины вышли А.А. Юрга, В.М. Юрга и Б. Гамон, а член «двадцатки» Биби Гелевич уехала из Крыма. В связи с тем, что в составе учредителей осталось 16 человек, уполномоченный поставил вопрос о ликвидации общины.

В 1960 году общество было снято с регистрации, его имущество было передано в местный музей, 6 тысяч рублей, находившиеся в кассе общины были сданы государству, а здание осталось в распоряжении детского сада.

Так, благодаря «усилиям» государства, во второй раз была ликвидирована община караимов, являвшаяся единственным духовным центром одного из малочисленных, коренных народов Крыма, который в течение веков внес бесценный вклад в становление самобытной евроазиатской культуры полуострова.

Источники и литература

1. Ельяшевич Б. С. Караимы: Историко-этнографические очерки (1926–1929 гг.) // Караимы. – М., 1944. – Кн. 3; Глаголев В. С. Религия караимов: Теоретико-исторический анализ. – М., 1994; Шапшал С. М. Караимы на службе у крымских ханов. – Симферополь, 2000; Сборник старинных грамот, узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов / Под ред. В. Д. Смирнова; Изд. З. А. Фирковича. – СПб., 1890; Караимы и Москва / Под общей ред. М. С. Сарач. – М., 1997; Фуки А. Караимы – сыновья и дочери России. – М., 1995; Полканов Ю.А. Легенды и предания караев (крымских караимов-тюрков). – Симферополь, 1995; Полканов А. И. Крымские караимы (караи – коренной малочисленный тюркский народ Крыма). – Париж, 1995; Полканов А., Полканов Ю. Последний слуга старой России генерал Яков Кефели // Брега Тавриды. – Симферополь, 1997. – № 2/3. – С. 251–253; Полканов Ю. А., Полканова А. Ю., Зинченко Н. А. Крымские караимы – караи. Состояние и перспективы сохранения этнокультуры. Из прошлого в будущее // Материалы II Всенародного съезда крымских караимов 22–25 мая, г. Евпатория. – Симферополь, 2003; Караимско-русско-польский сло-

- варь. 17400 слов. Под ред. Н.А. Баскакова, А. Зайончковского, С.М. Шапшала. – М.: Русский язык. 1974; Сигаева Г. В. С. С. Крым и его роль в создании Таврического университета // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 3. – С. 391–393; Сигаева Г. В. Крымские караимы как часть русского социокультурного мира (XIX – начало XX вв.) // Материалы научно-практической конференции «Крым в контексте русского мира: язык и культура». – Симферополь, 2004. – С. 54–63; Сигаева Г. В. Правовое положение крымских караимов (сер. XIV – нач. XX вв.) // Культура народов Причерноморья. – № 57. – Т.2. – С.82–88; Кропотов В. С. Военные традиции крымских караимов. – Симферополь, 2004. и др.
2. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). – Ф. Р. 3295. – Оп. 2. – Д. 13.
 3. Там же. – Д. 1. – Л. 27.
 4. Там же. – Д. 3. – Л. 49–50.
 5. Там же. – Л. 142.
 6. Там же. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 12.
 7. Там же. – Д. 2. – Л. 104.
 8. Там же. – Д. 3 – Л. 19.
 9. Там же. – Оп. 2. – Д.1. – Л.26.
 10. Там же. – Д.3. – Л.51.
 11. Там же. – Л. 65.
 12. Там же. – Л. 121.
 13. Там же. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 39.
 14. Там же. – Л. 83.
 15. Там же. – Л. 109.
 16. Там же. – Д. 2. – Л. 105.
 17. Там же. – Д. 4. – Л. 89.
 18. Там же.
 19. Там же. – Д. 12. – Л.154.
 20. Там же. – Д. 18. – Л.147.
 21. Там же. – Д.19. – Л. 85.
 22. Там же. – Д. 21. – Л. 106.
 23. Там же. – Л. 91.
 24. Там же. – Д.20. – Л. 52.
 25. Там же. – Д.21.– Л. 187–188.
 26. Там же.
 27. Голос Крыма.– № 3. – 1942. – 8 января.
 28. ГААРК. – Ф. Р. 3295. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 2–3.
 29. Там же. – Л. 4.
 30. Там же. – Л. 18.
 31. Там же. – Л. 14.
 32. Там же. – Л. 26.
 33. Там же. – Л.35.
 34. Там же. – Л. 42.
 35. Там же. – Л. 90.
 36. Там же. – Л. 181.

Обухова Ю. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДИК ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ ПРЕДПРИЯТИЙ

Успешное функционирование предприятия в условиях рыночной экономики в значительной мере определяется выбранной стратегией долгосрочного инвестирования. Поэтому выбор оптимального варианта из нескольких предложенных инвестиционных проектов представляет собой один из наиболее ответственных этапов. От того, насколько объективно и всесторонне будет проведена оценка инвестиционных проектов, зависят сроки возврата вложенных средств, прибыль, полученная в ходе реализации проекта и положение предприятия на рынке.

Инвестиционный проект – «это план или программа действий, связанных с осуществлением капитальных вложений с целью последующего возврата денежных средств и получения прибыли» [1, с.63].

В последние годы появилось достаточно много публикаций, освещающих вопросы оценки эффективности инвестиционных проектов и позволяющих глубже понять, каким образом должны приниматься решения в области инвестирования. Среди авторов таких работ можно выделить Янковского К., Мухарь И., Витлинского В. В., Макаренко В. О., Юхимчук СВ., Супрун С. Д., Черванева Д. М., Нейкова Л. Г. Однако в целом эти работы направлены на обзор существующих в отечественной и зарубежной практике методик оценки эффективности инвестиций. Кроме того, эти работы не предназначены для руководителей-практиков и не имеют повсеместного прикладного применения.

Целью данной работы является выработка интегрального показателя для оценки эффективности инвестиционных проектов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: обобщить и проанализировать существующие подходы к оценке экономической эффективности инвестиционных проектов; выявить их положительные характеристики и недостатки для более полного представления теоретиками и практиками об этих методах при выборе оптимального варианта инвестиций.

На сегодняшний день в условиях рыночной экономики в отечественной и зарубежной теории и прак-